

С наступлением лета в Императорской столице почти не бывало хороших ливней. Если и случался дождь, то мелкий, как волосок, — едва зарядив, он тут же и стихал.

Сегодняшний день стал исключением. С самого утра солнце палило вовсю, как вдруг громыхнул гром, небо заволокли свинцовые тучи, и хлынул ливень. Он укутал всю столицу плотной водяной завесой. Долгожданная гроза бушевала без малого два часа.

Императорская столица, храм Баочэн

Дело шло к полудню. Монахи, закончив дневную службу, потянулись к трапезной. На выщербленных каменных плитах после ливня блестели лужи; обутые в сандалии на деревянной подошве монахи шлепали по воде, выстукивая мерный, ритмичный шаг.

Маленький дворик за какие-то полгода изменился до неузнаваемости. Прежнюю пеструю россыпь цветов полностью убрали, оставив лишь один-единственный куст — ярко-красную юньнаньскую камелию.

Перед ней с раскрытым зонтом стоял юноша в алых одеждах. Хотя ливень давно утих, зонт он так и не опустил.

— Молодой господин, ступайте в дом, переоденьтесь в сухое, — донесся издалека голос Чжэлю.

Накануне хозяин строго-настрого запретил кому-либо приближаться к кусту, поэтому слуга не смел подойти и лишь кричал с порога.

Вэнь Шу промок до нитки. Когда разверзлись небеса, он закрыл зонтом хрупкий цветок, а сам остался под хлещущими струями. Вода до сих пор ручьями стекала с его подола на землю.

Вэнь Шу пропустил слова слуги мимо ушей. Он безучастно созерцал трепещущие на ветру лепестки, словно силился разглядеть за ними того самого обманщика. Маленького, бесстыжего лжеца.

Ему бы давно догадаться, что здесь что-то не так, да только ворошить это не хотелось. Назвать существо "едва пробудившим разум цветочным духом" язык не поворачивался — слишком уж много оно знало.

Сам Вэнь Шу прожил две жизни, повидал мир и прошел через огонь и воду — оттого и судил о вещах зрело. А вот цветочный дух в беседах ни разу не выказал робости. Любые новые знания он хватал на лету. По широте кругозора он походил на умудренную опытом древнюю тварь, но повадками оставался сущим ребенком — наивным, ласковым, уязвимым для чужого тепла.

Прежде Вэнь Шу сознательно закрывал на это глаза. Он мнил себя заботливым хозяином: ну есть у домашнего духа свои секреты, и пусть. В конце концов, сам цветок рос у него под боком,

никуда не денется — не вырвет же корни из земли, чтобы сбежать.

Но сегодня... Ливень налетел внезапно и яростно. Пока Вэнь Шу бежал через двор с зонтом, тяжелые капли уже успели избить нежные лепестки. Он места себе не находил от тревоги, дождался, пока тучи рассеются, погрел цветок на солнышке и осторожно коснулся бутона.

И что же он обнаружил? Хм, сюрприз превзошел все ожидания.

Вэнь Шу прикрыл глаза, силясь унять клокочущую в груди ярость. За две жизни никто не смел так нагло водить его за нос. Если бы не страх спугнуть добычу раньше времени, он бы не сдержался. Ничего, когда этот обнаглевший паршивец окажется в его руках, он сполна с ним расквитается.

Вэнь Шу швырнул бамбуковый зонт на влажные плиты и громко позвал:

— Чжэлю, принеси цветочный горшок.

Раньше он трясся над каждым корешком, боясь повредить растение при пересадке, и ради этого велел выкопать весь остальной сад, чтобы соседние цветы не забирали у его любимца соки. Даже собирался построить над ним изящную беседку, да передумал — испугался, что навес загородит солнце. Все эти нежные хлопоты теперь казались глупым, нелепым фарсом.

Чжэлю обернулся быстро. Хотя молодого господина с прислугой и сослали в глухой монастырь поправлять здоровье, Вэнь Шу все еще оставался Маленьким гун-гуном из знатного поместья Динго-гуна. К тому же он безраздельно владел богатым приданым покойной матери. На нехватку денег жаловаться не приходилось: еда, одежда, утварь — все у них было самого лучшего качества.

С тех пор как господин увлекся садоводством, в кладовой припасли немало цветочных горшков, и каждый стоил доброй горсти серебра.

Будучи потомственным слугой в знатном доме, Чжэлю обладал тонким вкусом. Из всех запасов он выбрал горшок из тончайшего белого фарфора, расписанный алыми лепестками — под стать драгоценной камелии.

Однако Вэнь Шу лишь мазнул по нему холодным взглядом и нахмурился:

— К чему такие излишества? Это всего лишь обычный цветок. Принеси самый дешевый глиняный горшок, желательно с трещиной, и лопатку.

Чжэлю растерянно замер на месте. Ему очень хотелось возразить, что в их закромах отродясь не водилось грошовой посуды, а уж тем более битой, но преданность долгу взяла верх. Настоящий слуга обязан исполнять любые прихоти хозяина.

Вернувшись в кладовую, он перерыл все полки, пока наконец не откопал невзрачный горшок из грубой бурой глины. Поразмыслив, он взял садовую лопатку и пару раз приложился к ободку, оставив на нем две заметные щербины. Только после этого Чжэлю поспешил обратно к господину.

При виде изуродованного куска глины во взгляде Вэнь Шу промелькнула брезгливость, но он промолчал. Молча забрал лопатку и принялся за работу. Он сделал несколько глубоких подкопов, но стоило лезвию приблизиться к нежным корням камелии, как рука его замерла.

— Молодой господин, позвольте мне? — робко предложил Чжэлю.

Он ума не мог приложить, с чего вдруг хозяин так привязался к этому кусту. Пылинки с него сдувал, никого не подпускал, а по вечерам подолгу стоял рядом, о чем-то шепотом беседуя с безмолвным растением. И улыбался при этом так мягко, как никогда прежде.

Теперь же он явно повздорил со своей любимицей. Чжэлю, наблюдавший со стороны, понимал: гнев господина скоро утихнет. Будь злость настоящей, от цветка не осталось бы и мокрого места. Достаточно вспомнить старшего молодого господина из главного дома, который до сих пор харкал кровью и пил горькие отвары после того, как его случайно искупали в пруду. Говорили, легкие бедолаги забились тиной так сильно, что теперь ему грозит чахотка.

— Сам справлюсь, — буркнул Вэнь Шу.

Он отбросил лопатку, опустился на колени прямо в грязь и принялся осторожно разгребать пальцами раскисшую от ливня землю. Работал он бережно, пока корневище не освободилось полностью, после чего аккуратно извлек куст.

Чжэлю услужливо пододвинул щербатый горшок поближе, успев насыпать на дно немного свежей земли.

Юноша держал в руках камелию, хмуро созерцая убогий глиняный черепок.

— Молодой господин, посудина и правда невзрачная. Не ровен час, порежете пальцы о сколы. Может, заменим на что-то приличное? — робко пробормотал слуга.

— М-м, — неопределенно отозвался Вэнь Шу.

— Как насчет того, первого? На вид он обычный, цена ему три медных гроша. Дешевле в нашей лавке точно ничего нет, — без зазрения совести соврал Чжэлю, в один миг превратив шедевр знаменитых мастеров в дешевую безделушку.

— Ладно, неси его, — снисходительно согласился Вэнь Шу, будто и впрямь поверил в грошовую стоимость фарфора.

Пересадив камелию в нарядный белый горшок, Вэнь Шу не позволил слуге прикоснуться к нему. Он бережно отнес цветок в свою комнату и водрузил на столик у самого окна.

К тому времени верный слуга успел согреть воды. Вэнь Шу смыл с себя грязь, переоделся во все сухое, после чего Чжэлю поднес ему дымящуюся чашу.

— Снаружи сыро, вы промокли. Выпейте имбирного отвара, чтобы прогнать простуду.

— Унеси, — поморщился Вэнь Шу от резкого пряного запаха.

Его тело было закалено лучше, чем у любого простолюдина. Пусть он еще не вернул былую нечувствительность к жару и стуже, но какой-то летний дождь не мог причинить ему вреда. Да он хоть сейчас мог бы провести пару часов в ледяной проруби без всяких последствий.

Чжэлю вздохнул и унес чашу. Спорить с господином было бесполезно, поэтому он решил просто приготовить на обед сытный, наваристый суп.

Вэнь Шу уселся за письменный стол. Растирая тушь, он предавался размышлениям. Когда на каменной палитре образовалась густая темная лужица, он обмакнул кисть и принялся выводить на бумаге свои наблюдения и догадки.

"Во-первых, "цветочный дух", скорее всего, обычный человек. Его детский голосок — настоящий, а не притворный. Этот маленький шельмец мастерски пользуется своими связками: стоит ему захотеть задобрить собеседника, как интонации делаются сладкими и мягкими, точно мед.

Возраст... Тут сложно судить. По голосу — сущий ребенок, лет семи-восьми. Но по широте ума и познаниям этот малец даст сто очков вперед большинству придворных бездельников, которым давно пора подать в отставку.

И все же в повседневном общении он ведет себя как вполне зрелый юноша лет двадцати. Отзывчивый, жалостливый к сирым и убогим... А ко мне, "бедному сиротинушке помладше", он и вовсе испытывает какое-то странное покровительственное чувство".

Оставив строчку с возрастом пустой, Вэнь Шу вывел следующий пункт:

"Если этот лжец — человек, то у нас наверняка схожая судьба. Слишком уж остро он реагирует на рассказы об отцовской несправедливости и избалованных единокровных братьях.

Его семья явно не из бедных. Он прекрасно образован, начитан, знает грамоту и великолепно считает в уме.

У него есть близкий друг, которого он иносказательно именует Тунбанем.

Связь со мной он держит через такое же растение — по всей видимости, это цветок-громкоговоритель.

Днем он обычно находится в месте, где за ним строго присматривают.

Обманщик...

...

Он уверял, что любит Цзыцзяня и никогда его не покинет".

Деревня Цинхэ, усадьба семейства Ся

Вторая сестра, Ся Иньцзи, решила навестить родителей и принесла с собой изрядный запас домашнего лувэя. Стояла летняя жара, поэтому госпожа Ся велела невестке поскорее вынуть деликатесы из рассола и нарезать. В доме подрастали два прожорливых парня, да еще гостил крепкий Яо Улан — сколько еды ни приготовь, все сметали в один миг.

Обед ложился на столы. Младший сын Цяонянь, увязавшийся за матерью в кухню на соблазнительный запах маринада, преданно крутился у нее под ногами. Сжалившись, невестка сунула ему в рот сочный кусочек тушеной свиной потрохи и приказала:

— Беги позови дядю Ся Чэня. Скажи, пусть встает, обедать пора.

Счастливый Нань-гээр, жуя на ходу, припрыгивая побежал исполнять поручение.

Ся Чэнь уныло распластался на столе, мысленно взывая к Ся Тунбаню:

"Ты же уверял меня, что это сущие пустяки!"

[Для меня это действительно не имеет значения] — с железной логикой отозвался Ся Тунбань.

—...

"Ну конечно. Думал, почему ты сегодня подозрительно притих. Оказывается, берег яд для особого случая".

— Ну и подставил ты меня, — простонал Ся Чэнь, обхватив голову руками. — Цзыцзянь теперь точно на меня обиделся. Вдруг он больше не выйдет на связь? Он ведь слеп, и даже если я попытаюсь до него докричаться, он может просто проигнорировать цветок!

Цзыцзянь сейчас как раз в том трудном возрасте, когда подростки бунтуют против всего мира. К тому же из-за слепоты он наверняка раним и мнителен. Если он решит, что над ним просто поиздевались, то сгоряча уничтожит свой цветок-громкоговоритель — и прощай единственная ниточка, связывавшая их миры.

Ся Чэнь тогда изведется от чувства вины. Бедный мальчик и без того живет в личном аду, а тут его предал единственный друг, которому он доверял. От одной этой мысли Ся Чэнь чувствовал себя последним негодяем.

[Мои предупреждения все равно бы ничего не изменили] — парировал Тунбань.

— Твоя правда. Прости, я просто погорячился, — вздохнул Ся Чэнь.

Тунбань не врал. Даже если бы он успел прикусить язык, Цзыцзянь слишком умен. Обманывать его до бесконечности все равно бы не вышло.

Ся Чэнь зарылся пальцами в волосы и обреченно вздохнул.

— Дядюшка, кушать пора! — раздался из-за двери звонкий крик Нань-гээра, сопровождаемый нетерпеливым стуком.

Ся Чэнь отпер засов. Племянник тут же вцепился в его рукав и потащил за собой:

— Скорее, скорее! Сегодня на обед столько вкуснятины!

— Чему ты так радуешься? — выдавил вымученную улыбку Ся Чэнь.

— Ну как же! — округлил глаза мальчик. — Еда ведь вкусная, значит, надо радоваться!

Ся Чэнь на миг замялся, а потом придержал его за плечо:

— Нань-гээр, постой. Ответь мне на один вопрос. Представь, что твой лучший друг тебя обманул. Ты ужасно на него рассердился. Что он должен сделать, чтобы ты сменил гнев на милость?

— А кто мой лучший друг?

— Ну... скажем, я или твой старший брат.

— Дайте мне чего-нибудь вкусенького, и я сразу перестану сердиться!

Ся Чэнь мысленно дал себе щелчок по лбу. И надо же было спросить у маленького обжоры! В его картине мира любая беда лечилась хорошим угощением, а если не помогало — двойной порцией. Спрашивать его о тонкостях человеческих отношений было бесполезно.

Заметив разочарование на лице дяди, Нань-гээр пояснил:

— Когда получаешь то, что очень любишь, злиться уже не хочется.

Ся Чэня словно током ударило.

"Точно! Подарить ему то, что он любит! Но... что любит Цзыцзянь?"

Он принялся судорожно перебирать в памяти их ночные беседы. Делился ли Цзыцзянь своими увлечениями? В том-то и беда, что загадочный парень почти ничего не рассказывал о себе. Единственное признание, которое сорвалось с его уст...

"Я люблю Юаньбао".

"Вот ведь незадача... Не себя же ему в посылке отправлять?"

<http://bllate.org/book/18260/1759082>